

УДК 24(091)

Миссия религиозных институтов как фактор гражданского единения: к постановке вопроса

И. А. Арзуманов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Анализируются факторы миссии религиозных институтов в процессах реализации интегративной функции государства. Даются базовые характеристики данных процессов в Восточной Сибири имперского и современного периодов. Делается вывод о методологическом дуализме процессов реализации интеграции гражданского общества с учетом его этноконфессиональной стратификации.

Ключевые слова: государство, миссия, религиозные институты, вероисповедная политика, функция, интеграция.

Данное исследование касается проблем, определяемых современным состоянием вероисповедной политики в Восточно-Сибирском регионе России. Методологические аспекты формирования взаимоотношений государства и религиозных институтов носят фундаментальный характер, непосредственно касаясь вопросов национально-государственной идентификации. Основная проблема, по мнению автора, заключается в противоречии между существующей конституционной, нормативно-законодательной базой вероисповедной политики России и интеграционно-функциональными характеристиками государства в вероисповедной области. Духовно-культурологическая интенция, лежащая в основе анализа, является методологически определяющей в свете соотношения государственной власти и государственной политики в вероисповедной сфере XX–XXI вв.

Основные положения, касающиеся анализа взаимосвязи государственной власти и политики в области религиозного пространства, вытекают из понятия «государство». Этому придерживается большинство правоведов. В. С. Нерсесянц рассматривает сущностные характеристики права и государства в проекции юридической антитезы юснатурализма (с характерным для него дуализмом естественного и позитивного права) и либертаризма (с его различением и соотношением права и закона как сущности и явления для обоснования концепции правового закона) [17, с. 48–57]. С позиции, близкой к дуалистическим позициям юснатурализма, понятие «государство» преимущественно рассматривается через перечисление его признаков. А. В. Малько, в рамках территориального дискурса, понимает под государством организацию политической власти, содействующую преимущественному осуществлению конкретных классовых, общечеловеческих, религиозных, национальных и других интересов в пределах определенной территории [7, с. 115; 8, с. 103; 9, с. 8; 10,

с. 135; 12, с. 65; 14, с. 41]. В контексте уже приведенных характеристик мы можем говорить о власти в социокультурной проекции как системообразующем элементе, обеспечивающем жизнеспособность общества. Развивая данный посыл в дедуктивно-индуктивной плоскости, отметим, что в основе соотношения понятий «государство» и «политика» есть одна интегрирующая составляющая – и государство, и политика имеют в своем сущностном определении социальную власть, являющуюся по определению публичной властью. Олицетворение в органах и учреждениях государства делает публичную власть государственной властью – силой, обеспечивающей управление всем обществом. Р. В. Енгибарян и Ю. К. Краснов к основным характеристикам государства, кроме территории, относят и суверенность власти, посредством которой государство устанавливает общеобязательные для всех граждан, общественных и политических организаций нормы поведения [11, с. 42]. Установление общих правил поведения всей совокупности лиц и общественных объединений как составных частей данного общества непосредственно сопрягается с территориальным признаком государства. Территория как материальная основа власти государства является одной из основных функционально-динамических характеристик организации населения. Р. В. Енгибарян и Ю. К. Краснов делают акцент на территориальном принципе организации населения, полагая, что численная, национальная, расовая и этническая принадлежности не имеют решающего значения для его образования [11, с. 47].

Нельзя не согласиться с данным положением в контексте рассмотрения государства как одной из социально-политических организаций общества; но если понимать его в качестве носителя отмечаемых исследователями «общеобязательных норм поведения», то встает вопрос о том, что данные нормы всегда имеют конкретное цивилизационно-культурологическое содержание, определяющее национально-государственную специфику нормативно-правового обеспечения стабильности в обществе. В. Д. Первалов отмечает, что «государство – важнейший фактор, связывающий в единое целое политическую систему и гражданское общество, сущностным критерием политической системы которого является политическая власть» [23, с. 113]. Интеграционная интенция данной характеристики государства весьма примечательна. Если рассматривать в ее контексте определение государства, приводимое А. В. Малько, то анализ правовых характеристик осуществления классовых, общечеловеческих, религиозных, национальных и других конкретных интересов в пределах определенной территории должен производиться не с позиций, жестко дифференцированных данной стратификацией интересов, а с позиций системного подхода, выражающего интеграционно-сущностную многоаспектность государства. Современное состояние религиозного пространства свидетельствует о том, что историческая трансформация общества объективно отбирает в культурном фонде ценности, актуальные как для данных социальных и духовных потребностей социума в целом, так и для отдельных социально-политических и общественно-культурных движений. Изменяются исторически и сами религиозные системы. Достаточно упомянуть «феодальный» католицизм, «буржуазный» протестантизм, движения «живой церкви» в пра-

вославии, обновленчества в бурятском ламаизме, движения необуддизма после Второй мировой войны в Южной и Юго-Восточной Азии. Социально-политический опыт показывает, что ослабление государством реализации своих функций в важнейших сферах общественных отношений – социальной и экономической – детерминирует трансформацию кризисных состояний в фазу вооруженных конфликтов, способствует активизации международного терроризма, воинствующего сепаратизма, организованной преступности и др. Роль религиозного фактора в этих процессах становится предметом особого внимания. Региональная специфика этих процессов обуславливает необходимость компаративистского и историко-логического анализа нормативно-правовых аспектов вероисповедной политики государства, в свете функциональной характеристики роли религиозного фактора в интеграционных процессах.

Актуальность постановки вопроса определяется недостаточной проработанностью методологических составляющих, включающих в себя анализ роли и места религиозного фактора в социополитических процессах в контексте их теоретико-правовой интерпретации и нормативно-правовой фиксации в процессах правового и государственного регулирования. Восточно-Сибирский регион относится к территориям межцивилизационного пограничья (Россия, Монголия, Китай). Это накладывает отпечаток на этноконфессиональные процессы, происходящие в регионе. Глобальные трансформации социального и геополитического характера XX–XXI вв. обусловили актуализацию четких идеолого-культурологических параметров, соответствующих традиционным базисам социально-политического устройства общества. В связи с этим особую роль приобретает переосмысление роли миссии религиозных институтов в процессах этнодифференциации, идентификации в региональной и геополитической проекции в период XIX – нач. XXI в.

Начало XIX в. для этносов Восточной Сибири ознаменовалось активизацией процессов включения их в товарно-промышленный оборот. Процессы социально-экономической трансформации способов хозяйствования и формы ясных отношений (в частности, замена натуральной формы ясака его денежным эквивалентом) сопрягались с формированием трехступенчатой системы власти и управления кочевыми народами Восточной Сибири: родовое управление – инородная управа – степная дума. Именно XIX в. стал тем периодом, в котором произошло окончательное включение восточносибирских этносов в общий строй российской государственности посредством формирования административных и хозяйственных органов местного самоуправления.

Данные реформы непосредственно сказывались не только на процессах, связанных с усилением позиции имперской администрации, но и развитии и распространении буддизма на территории Восточной Сибири. Учитывая, что одно из следствий вероисповедной политики – это формирование единого социокультурного пространства [2, с. 125; 3, с. 157; 4, с. 1; 5, с. 115; 20, с. 11; 22, с. 29], необходимо отметить обстоятельства, связанные с усилиями государства и православной церкви по организации православной духовной миссии в Восточной Сибири. С устройством I Даурской миссии начинается история внедрения православной культуры в Забайкалье. Эффективным в деле хри-

стианизации автохтонного населения был период середины XIX в., с момента открытия в 1862 г. Второго викариатства с центром в Посольском монастыре. Как уже отмечалось, начальный период христианизации имел черты административного давления, «насильственного» обращения в православие бурят и тунгусов. Впоследствии, с изменением тактики миссионерской работы (в частности, с учреждением структуры миссионерских станов среди родов автохтонных этносов – бурят и тунгусов, находящихся на значительном расстоянии друг от друга) изменилась динамика процессов христианизации в Западном Забайкалье. В. Т. Михайлова, рассматривая эту проблему, отмечает, что элементы демократии после отмены крепостного права в российском пореформенном обществе послужили основой для смены форм и методов деятельности Забайкальской духовной миссии. По ведомости 1723 г. число «вкладчиков» и новокрещеных, живших в вотчине Селенгинского монастыря, доходило до 60 чел. Миссия не стесняла новокрещеных в выборе конкретного места на монастырских землях, выделяла земли, деньги, подарки. В начале XVIII в. в клировой ведомости Селенгинского монастыря уже значатся монахи Давид Филатов, «мунгалетин», 34 года, иеромонах Трифиллий из эвенкийского рода князей Гантимуровых. С учетом методологической и организационной недоработок первого периода христианизации в деле бурят и тунгусов была создана сеть миссионерских станов в бурятских ведомствах и тунгусских кочевьях. Определяется организационная структура, принимается устав, формируются миссионерские станы в соответствии с административным устройством у бурят и тунгусов, осуществляется финансирование за счет казны и вновь образованного Комитета православных миссий [15, с. 98].

В особую заслугу миссионерам ставилось крещение предводителей бурятских родов – тайшей, зайсанов и шуленг, находящихся на административных постах родового управления бурят того времени – в степных думах. Однако возможность негативной реакции инородческого большинства при этом также учитывалась. Так, по поводу намерения принятия крещения хоринским тайшей Галсановым Иркутскому гражданскому губернатору и Пресвященному Михаилу поручалось лично выяснить возможность нарушения «тишины» в подчиненных ему родах в случае принятия им крещения [6, с. 7]. Необходимость сохранения социального равновесия и мирных отношений между населением и властью учитывалась православной церковью при миссионерской деятельности. Необходимо отметить, что миссионерская деятельность православной церкви усилила политическую и этническую консолидацию народов Восточной Сибири. В 1885 г. было создано братство Св. Мефодия, Кирилла и Св. Иннокентия Чудотворца при Читинской и Забайкальской епархии под председательством епископа Мелетия, что позволило увеличить число школ от 30 до 96, соответственно число учащихся – от 425 до 1200 чел. [6, с. 10]. Подобного рода учреждения под эгидой Русской православной церкви сыграли немаловажную роль в становлении культуры бурят нового времени. Были образованы попечительские советы, ведавшие школьными делами, куда входили представители администрации, учителя и наиболее почетные, уважаемые люди из бурятских родов, которые совместно с братством

собирали средства от частных лиц и приходов, способствовали оснащению учебниками школ. Так, только в течение 1885 г. было распространено 1956 экземпляров книг [16]. В целях проведения миссионерской работы (еще до периода формирования миссионерских станций стационарного характера) шла подготовка миссионеров, знающих бурятский язык (как из русских, так и бурят, окончивших какое-либо учебное заведение, в том числе иркутскую семинарию).

В частности, к 1833 г. в целях проведения миссионерской работы в среде бурят было подготовлено 10 священников русского происхождения. К переводчикам христианской канонической и литургической литературы на национальные языки народов России следует отнести имена миссионеров как русских, так и бурят, которыми было переведено свыше 40 наименований богословских и религиозно-нравственных сочинений. Это деятели Иркутской и Забайкальской епархии П. Родионов, П. Малков, А. Бобровников, Игумнов, братья Я. и П. Болдоновы, М. Петлин, А. Норбоев и др. Я. Болдоновым были переведены на бурятский язык «Символ веры», «Молитва Господня», «Божественная литургия» и др. Значительна работа переводческой комиссии, основанной Православной Забайкальской комиссией в Казанской духовной академии в 1892 г. при братстве Св. Гурия. Известны труды профессора В. Миротворцева, переведенные на бурятский язык. Это «История Ветхого и Нового Завета», «Учение о христианской вере в беседах с бурятами», «Жития Св. Николая Чудотворца», «Житие Св. Иннокентия». В Казани издана работа протоиерея Орлова «Грамматика бурятского разговорного языка». Монгольская грамматика на русском языке А. Бобровникова явилась первым учебником монгольско-бурятского языка и использовалась достаточно широко. В архиве Троицко-Селенгинского монастыря сохранилось письмо от брата А. Бобровникова архимандриту Мелетию, где перечислены его работы: «1) перевод из Нового Завета трех евангелистов от Матфея, Марка и Иоанна в тетрадах на 112 листах, от Луки же остается непереуведенным, 2) служебник в бумажном переплете, заключающий в себя Последования Вечерни, Утрени и Божественной литургии, при котором приложено свидетельство, что оный был читаем в Главной Хоринской степной думе на бурятском языке, 3) сличение монгольского перевода со славянским Новым Заветом, составленный переводчиком Игумновым на 61 листе, 4) замечания и объяснения на Новый Завет на 10 листах, переведенный в Санкт-Петербурге, 5) две лекции на монгольско-бурятском языке» [13].

Миссионеры занимались не только собственно богословскими проблемами или переводами богослужебных книг, но и исследованиями в области традиционных верований бурят, тибетской медицины. Миссионер П. Подгорбунский исследовал традиционные верования бурят. Он является автором таких работ, как «Шаманистические верования монголов и бурят» (1895), «Буддизм, его история и основные положения его учения» (1900). Работа миссионера К. Стукова «Алфавитный список лекарственных растений, употребляемых ламами в их тибетской лечебной практике» также заслуживает особого внимания. Изучением традиционных верований бурят занимались и преосвященные Иркутской епархии. В частности, архиепископ Иркутский Нил Исаа-

кович (1838–1853) издал буддологическое исследование «Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири».

В процессе работы миссионеры отмечали достаточно высокий уровень толерантности бурят, терпимо относящихся к различным верованиям, что, по мнению миссионеров, являлось условием отсутствия каких бы то ни было веских оснований для агрессии на почве религиозной нетерпимости при распространении христианства. В Забайкальской духовной миссии в 1877 г. было крещено более 10 тыс. бурят, эвенков – 642 чел.; в 1891 г. число крещеных достигало 35 тыс., а в начале XX в. в обеих епархиях эта цифра возросла до 85 тыс. [13]. Деятельность миссионерских станов и храмов на территории Западного Забайкалья прекращается после Февральской буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг. из-за отсутствия финансирования.

К началу XX в. конфессиональный спектр Восточной Сибири был структурирован следующим образом: православные – около 70 % всего населения региона; ламаисты и буддисты составляли около 21 %; старообрядцы – 6,4 % [1, с. 1]. Социокультурное пространство в конце XIX – начале XX в. определялось конфессиональными институтами уже двух мировых религий – христианства и буддизма. В условиях сложившегося религиозного синкретизма мы должны учитывать и автохтонный пласт религиозной культуры, являющийся объектом миссионерских усилий как христианства (преимущественно в православной конфессиональной стратификации), так и буддизма (в его региональной форме – ламаизме). На современном этапе вопросы миссии традиционных этноконфессиональных институтов сопряжены с определенной методологической диффузией. С одной стороны – государство, как и в имперский период, заинтересовано в активизации интеграционных процессов, основным «катализатором» которых объективно являются культурные коды религиозных систем. С другой – в достаточно императивном порядке вводится маркер этнокультурной и этноконфессиональной толерантности, по природе своей противоречащий миссионерским интенциям традиционных религиозных систем мира. Вопрос о конфессиональной толерантности – вопрос социальной стабильности. Фактор безопасности в религиозной сфере становится фактором национальной безопасности.

Таким образом, в связи с соотношением государственной власти и политики в области религиозного пространства встает вопрос о выработке идеологических концептов, обусловленных общероссийскими интересами, которые должны выполняться при разработке любой региональной стратегии. Поиски критериев гражданской общероссийской идентичности, учет принципов и приоритетов федеральной политики, реализации основных положений ведомственных целевых программ определены нормативными документами Российской Федерации: Конституцией Российской Федерации (ст. 26, 28, 29 и др.), Концепцией государственной национальной политики, Федеральными законами «О национально-культурной автономии», «О свободе совести и о религиозных объединениях» [18; 19; 22]. Концепты этнокультурного подхода к проблемам реализации интегративной функции государства детерминируют обращение к этнокультурному потенциалу Восточно-Сибирского региона как базовому компоненту религиозной и национальной политики государства.

Список литературы

1. Азиатская Россия. В 3 т. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. – СПб. : [Б. и.], 1914. – 576 с.
2. *Арзуманов И. А.* Политико-правовые и методологические аспекты курса «Политика и религия». Ч. 1 / И. А. Арзуманов // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2013. – № 1. – С. 123–130.
3. *Арзуманов И. А.* Политико-правовые и методологические аспекты курса «Политика и религия». Ч. 3 / И. А. Арзуманов // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2014. – № 8. – С. 152–160.
4. *Арзуманов И. А.* Трансформация конфессионального поля Забайкалья в свете религиозных инноваций : автореф. дис. ... канд. филос. наук / И. А. Арзуманов. – Чита, 2004. – 20 с.
5. *Арзуманов И. А.* Вероисповедная политика и гражданский гуманизм (к вопросу от реализации положений ст. 13 Конституции РФ) / И. А. Арзуманов // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2010. – № 2. – С. 113–123.
6. Братство Кирилла и Мефодия. – Чита : [Б. и.], 1901. – 98 с.
7. *Венгеров А. Б.* Теория государства и права : учебник / А. Б. Венгеров. – М. : Омега-Л, 2004. – 608 с.
8. *Глаголев В. С.* Величие России: основания, иллюзии и реалии / В. С. Глаголев // Философия хозяйства. – 2006. – № 1. – С. 101–106.
9. *Глаголев В. С.* Православное искусство как феномен восприятия / В. С. Глаголев // Вестн. славян. культур. – 2009. – Т. 12, № 2. – С. 5–12.
10. *Глаголев В. С.* Религиозно-культурное пространство европейской России: факторы динамики традиций и традиции динамики / В. С. Глаголев, М. В. Силантьева // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2010. – № 2. – С. 131–140.
11. *Енгибарян Р. В.* Теория государства и права : учеб. пособие / Р. В. Енгибарян, Ю. К. Краснов. – М. : Юрист, 1999. – 272 с.
12. *Зуляр Ю. А.* Институт губернаторства как отражение политической системы современной России: иркутский сюжет / Ю. А. Зуляр // Иркут. ист.-экон. ежегодник: 2014. – Иркутск, 2014. – С. 62–82.
13. Иркутские епархиальные ведомости. – 1895. – № 5. – Л. 48.
14. *Малько А. В.* Теория государства и права : учебник / А. В. Малько. – М. : Юрист, 2000. – 300 с.
15. *Михайлова В. Т.* Православие в духовной культуре бурят (30-е гг. XVII в. – 1917 г.) / В. Т. Михайлова. – Улан-Удэ : Изд-во ВСГТУ, 1999. – 330 с.
16. Национальный архив Республики Бурятия. Ф. 262. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.
17. *Нерсесянц В. С.* Философия права : учебник / В. С. Нерсесянц. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2006. – 836 с.
18. О национально-культурной автономии : федер. закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ (ред. от 04.11.2014) // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2965.
19. О свободе совести и о религиозных объединениях : федер. закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 28.11.2015) // Собр. законодательства РФ. – 1997. – № 39. – Ст. 4465.
20. *Силантьева М. В.* Новые принципы «философии границы» в глобальном мире – десоверенизация или «постсоверенизация»? // Полис : полит. исслед. – 2014. – № 3. – С. 8–26.
21. *Силантьева М. В.* Религия как фактор социальной консолидации современного российского общества // Точки – PUNCTA. – 2011. – № 1/2. – С. 27–30.

22. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации : утв. указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // Собр. законодательства РФ. – 2016. – № 1 (ч. 2). – Ст. 212.

23. Теория государства и права : учебник / отв. ред. В. Д. Перевалов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2006. – 484 с.

The Mission of Religious Institutions as a Factor of Civil Unity: Presentation of the Problem

I. A. Arzumanov

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The paper analyzes the factors of the mission of religious institutions in the implementation of the integrative function of a state. Fundamental characteristics of these processes in Eastern Siberia during Russian empire and modern periods are presented. It is concluded that there is methodological dualism in the integration processes in a civil society considering its ethnic and religious stratification.

Keywords: government, mission, religious institutions, religious policy, function, integration.

Арзуманов Игорь Ашотович

*кандидат философских наук, доктор
культурологии, Юридический институт
Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)334372
e-mail: arzumanov@mail.ru*

Arzumanov Igor Ashotovich

*Candidate of Sciences (Philosophy), Doctor
of Sciences (Culturology), Law Institute
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)334372
e-mail: arzumanov@mail.ru*